

„ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ“ (въ исполнен. литераторовъ).

1-ый мужикъ 2-ой мужикъ 3-й мужикъ
(Е. Н. Чириковъ). (Е. А. Гославскій). (В. Е. Ермиловъ).

но лишь для второго и третьего актовъ. Въ первомъ же, когда онъ своимъ лицомъ, жестами, всѣмъ тѣломъ долженъ показать намъ, что чувствуетъ Пьеро, г. Кречетовъ не показалъ почти ничего. По указкѣ ходить онъ туда и сюда, падать, вставать, садился и вскакивалъ, но ничего не отражали, ни его лицо, ни фигура. Въ своихъ движеніяхъ г. Кречетовъ часто не совпадалъ съ ритмомъ музыки.

Пьеретта—г-жа Коопентъ, такъ же плохо чувствуетъ ритмъ, такъ же мало говоритъ своимъ тѣломъ, она не женственна, тѣмъ не менѣе она производитъ большое впечатлѣніе, въ особенности, въ третьемъ актѣ. Ея сила въ глазахъ, въ богатой мимикѣ ея лица.

**В. ТАТОВА.
ОТКРЫТЪ САЛОНЪ ШЛЯПЪ
лично мною ПРИВЕЗЕНЫ МОДЕЛИ ЛУЧШИХЪ
Домовъ ПАРИЖА.**

Богословскій пер., д. № 3, кв. 10. Телефонъ 3-33-47.

Совершенно иначе играетъ Арлекина г. Чабровъ. Насколько искренна и проста Коопентъ, настолько «заряженъ» г. Чабровъ—какъ Лейденская банка, вотъ-вотъ, ждешь, получится искра и произойдетъ взрывъ. Онъ играетъ весь отъ лица до пятокъ. Каждый нервъ его ритмичнаго тѣла напряженъ, лицо—маска, судорожно передергивающаяся, злая. И мимика и жестъ преувеличены.

Второстепенные исполнители передаютъ свои роли опять таки по иному,—г. Носенковъ, папримѣръ (отецъ Пьеретты), старается «говорить» и лицомъ и руками.

Вмѣстѣ съ этимъ отсутствіемъ стиля въ постановкѣ нужно отмѣтить, что режиссеръ не сумѣлъ использовать всего матеріала, который г-жа Дюпона, прекрасная музыка Донани,—исключение представляетъ второй актъ, въ которомъ многостаянная планировка дала возможность вывить всю жуть этой картины.

Самое слабое въ этомъ отношеніи мѣсто—первый актъ. Сколько прекрасныхъ импульсовъ пропускаетъ Пьеро, безпомощно слоняясь по сценѣ, въ то время, какъ музыка подсказываетъ ему все новыя и новыя переживанія.

Очевидно, каждый изъ членовъ коллектива бралъ отъ Шницлера и Донани, что могъ, что умѣлъ, и никому ничего не могъ дать режиссеръ: принципъ постановки диаметрально противоположный первымъ двумъ. Тамъ чувствовался плохой или хорошій, но режиссеръ. Эта постановка—безъ объединяющаго творческаго начала.

Н. Кабановъ.

Для третьей повинки Свободный театр выбрал пантомиму Шницлера—«Покрывало Пьеретты».

Это миниатюра, которой невозможно заполнить вечеръ, и поэтому режиссеръ придумалъ нѣкоторые дополненія, растягивающія 40—50 минутъ пантомимы на 2—2½ часа.

Первое дополнение—музыкальнѣй прологъ, для котораго избрали симфоническую поэмъ «Смерть и просвѣтленіе» Рихарда Штрауса, рассчитанную на огромный оркестръ.

Въ исполненіи оркестра Свободнаго театра, ограниченаго въ своемъ составѣ, красочная картина обратилась въ блѣдную, жалкую копію.

Квартетъ никакъ не могъ пробиться сквозь толщу льда, а въ мѣстахъ *divisi* (дѣленія струнныхъ) звучалъ фальшиво, напоминая какой-то крысиный пискъ.

Въ духовыхъ не было красивой, полной звучности, но какой-то заглушенный трескъ, напоминающій стрѣльбу изъ монтекристо.

Словомъ, напрасная затѣя, которая не только не создала настроенія, но скорѣе разбила его.

Въ «Покрывалѣ Пьеретты» на помощь артистамъ приходитъ музыка.

Музыка Донани.

Она прекрасно, до малѣйшихъ деталей, иллюстрируетъ сюжетъ, даетъ артистамъ руководящую нить.

Но при условіи опять-таки музыкальности артистовъ.

Немузыкальнѣй исполнитель будетъ идти въ разрѣзъ музыкальной характеристики, какъ балерина въ разрѣзъ ритмическаго рисунка, и «последнее зло будетъ горше перваго».

Но прежде два слова слова о музыкѣ «Покрывала Пьеретты».

Она не обнаруживаетъ въ авторѣ оригинальнаго таланта, но вѣрно обрисовываетъ все происходящее изъ сценѣ.

„ВОСКРЕСЕНІЕ“ въ парижскомъ театрѣ „Одеонъ“.

(Катюша Маслова (А. Гади) въ тюрмѣ).

Въ инструментовкѣ много изящнаго, красиваго, хотя и плотной звучности.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ интересны вальсы перваго и послѣдняго дѣйствія. Остроумно сдѣлана полька, имитирующая въ музыкѣ игру на разбитыхъ инструментахъ.

Изъ исполнителей ближе всѣхъ подошелъ къ музыкальной иллюстраціи г. Чабровъ. Его движенія совпадали съ музыкальными акцентами и ритмикой.

Игра г. Чаброва интересна, хотя далека отъ разнообразія переживаній, которыя требуются въ мимикѣ и жестахъ.

Правда, и роль его благодариле сетаевыхъ исполнителей.